

КОЛОСЬЯ

ЕЖЕНЕДПЛЬНИКЪ ПОДЪ РЕ
ДАКЦІЕЙ ФЕЛИКСА КОНА И ВА
ЛЕНТИНА РОЖИЦЫНА Г 1918

ОДЕРЖАНІЄ:

Плехановъ — К. О. Н. О грядущемъ искусствѣ — Дзайонъ. Воспомина
нія — Феликсъ Конъ. Россія въ охраннымъ отдѣленіи. Біографическія справки
о Стекловъ (Нахамкесъ) и Бунаковъ. Обзоръ о дѣятельности Харьковскихъ
группъ партіи социалистовъ-революціонеровъ. Московскія впечатлѣнія — Левъ
отдѣленія. Шаржи, рисунки, заставки и концовки.

№ 8.

ХАРЬКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ СОЮЗЪ КООПЕРАТИВОВЪ (Союзбанкъ).

г. Харьковъ, Николаевская площ., № 9 (противъ Биржи) тел. 44-07.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦИИ

(вклады, текущіе счета, переводы, аккредитивы, инкассо).

СОЮЗЪ ПЛАТИТЬ:

а) По текущимъ счетамъ	4 ¹ / ₂ 0/0	}} на 1 годъ	5 ¹ / ₄ 0/0	
б) По вкладамъ: до востребованія	5 ⁰ / ₀		„ 2 года	5 ¹ / ₂ 0/0
в) По срочнымъ: на 6 мѣсяцевъ	5 ⁰ / ₀		свыше 2 лѣтъ по соглашенію.	

Въ цѣляхъ предоставленія публикѣ удобствъ Союзомъ

ОТКРЫТО ОТДѢЛЕНИЕ:

уг. Николаевской площ. и Московской ул. № 5-1 (входъ съ Николаевской площ.)

ОТДѢЛЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦИИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОЮЗЪ“ ХАРЬКОВСКАГО КРЕДИТНАГО СОЮЗА КООПЕРАТИВОВЪ. ТРУДЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Вышли изъ печати: „Короткий нарис Украинської мови“, О. Сенявскій. А. П. Марковъ—„Мѣстные финансы“.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ.

Культурно-историческая библиотечка

подъ ред. проф. Д. И. БАГАЛЪЯ.

Проф. Д. И. Багалій—„Історія Слободської України“.

Проф. М. Х. Сумцов—„Історично-етнографичний побутъ Слободської України“.

Таранушенко—„Мистецтво у Слободській Україні“.

А. С. Федоровскій—„Смѣны культуръ на территоріи Слободской Украины въ доисторическую эпоху“.

Айзеншток—„Українське відродження у Харкові в 20—40 роках XIX ст.“.

Проф. М. Х. Сумцов—„Розвій Української літературної мови“.

Проф. Д. И. Багалій—„Заселення південної України (Новоросійського краю)“.

Проф. Д. И. Багалій—„Український філософ Г. С. Сковорода“.

О. Д. Татаринова—„Вас. Наз. Каразинъ“.

Н. Д. Ладыженская—„Просвѣтителъная дѣятельность Харьковскаго Университета“.

Е. М. Иванова—„Е. С. Гордѣнко“.

М. А. Плевако—„Слобожанські письменники—Гулак-Артемовскій, Квітка і інші“.

Естественно-историческая библиотечка

подъ ред. проф. В. И. ТАЛІЕВА.

„Растительный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—проф. В. И. Таліева.

„Птицы-друзья человека“—Г. А. Брызгалова.
„Ископаемая богатства Украины“—прив.-доц. А. С. Федоровскаго.

„Природа и население Слободской Украины (Харьков. губ.)“, пособие по родниковѣднію. Въ составленіи принимаютъ участіе: прив.-доц. А. С. Федоровскій, Д. К. Педаевъ, В. Г. Аверинъ, проф. В. И. Таліевъ и др.

„Животный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—ч. I. Позвоночныя. ч. II. Безпозвоночныя. Принимаютъ участіе проф. А. И. Никольскій, В. Г. Аверинъ, проф. П. П. Сумскихъ и др.

Намѣченъ рядъ темъ по разнообразнымъ вопросамъ естествознанія для популяризаціи въ широкихъ массахъ населенія.

Соціально-экономическая библиотечка

подъ ред. доц. I. А. ТРАХТЕНБЕРГА.

М. Н. Соболевъ—„Кредитъ и его роль въ народномъ х-вѣ“.

Ф. М. Крамаревскій—„Мелкій кредитъ и его значеніе“.

П. И. Ляченко—„Мелкій кредитъ и сельское хозяйство“.

А. С. Векслерчикъ—„Кооперация и хлѣбная торговля“.

А. Н. Янцферовъ—„Історія кредитной кооперации въ Россіи“.

И. М. Хоткевичъ—„Кооперация въ Галичинѣ“.

А. А. Богомоловъ—„Земство, его значеніе и задачи“.

Г. Циперовичъ—„Синдикаты и тресты“.

І. А. Трахтенбергъ—„Бумажные деньги“.

Л. Любимовъ—„Утопическій и научный социализмъ“.

Школьно-педагогическая библиотечка

подъ ред. Д. Г. ПАНАДІАДИ.

Проф. Сумцов, О. М. Плевако і проф. Багалій—„Літературна українська хрестоматія“.

Орфографическій и русско-украинск. словари. Учебники для высшей и низшей украинскихъ школь.

Украинскіе классики.

Русскіе классики.

Драматическая литература оригинальная и переводная.

Литература о народныхъ домахъ, просвѣтителъныхъ о-вахъ и проч.

Сельско-хозяйственная библиотечка

подъ ред. проф. А. П. ЧЕЛИНЦЕВА.

Книги по экономіи, организаціи, техникахъ сельскаго хозяйства, общественной агрономіи и сельско-хозяйственной кооперации.

На книжномъ складѣ „СОЮЗЪ“ имѣется: Литература по всѣмъ вопросамъ кооперации и разнообразнымъ отраслямъ знаній. Уставы кооперативовъ. Счетоводные бланки и книги. Календари.

Адресъ издательства: Харьковъ, Николаевская площ., № 9. Адресъ книжн. склада: Харьковъ, Московская ул., № 18.

Плехановъ.

Съ временъ Моисея надъ народными вождями и пророками тяготѣетъ кошмарное проклятіе... Имъ только издали, съ высокой горы, суждено видѣть ту обѣтованную землю, куда они направляютъ народъ, самимъ же имъ суждено сложить голову въ чуждой, непріютной и дикой пустынь...

Такая же проклятая судьба выпала на долю одного изъ крупнѣйшихъ вождей и русскаго и международнаго пролетаріата Георгія Валентиновича Плеханова...

„Не владыкой онъ былъ во Москву приведенъ,

„Не почетнымъ пожалованъ гостемъ“,

а въ холодной, непривѣтливой Финляндіи, въ моментъ ея оккупации чужеземными войсками, въ моментъ жестокой кровавой расправы, учиненной Финляндскими Версальцами надъ Финляндскими же коммунарами, онъ, одинокій, покинутый всѣми, кончилъ свою многодѣтельную и многострадальную жизнь. Участъ Плеханова была во сто кратъ горше участи Моисея... Еврейскій пророкъ могъ найти печальное утѣшеніе въ своемъ горѣ въ томъ, что „обѣтованная страна“ еще находилась въ рукахъ язычниковъ, что не было физической возможности позволить ему сложить свою голову, уставшую послѣ сорока лѣтъ скитаній по пустынь, въ родной землѣ...

У Плеханова же не было и этого утѣшенія... Онъ, человѣкъ, посвятившій всю свою жизнь вначалѣ крестьянству, а затѣмъ рабочему классу, былъ обреченъ на одинокую смерть на чужбинѣ въ тотъ моментъ, когда родной его край, послѣ сорокалѣтней его дѣятельности уже управлялся не династіей Романовыхъ, а „рабоче-крестьянскимъ“ правительствомъ, во главѣ котораго стояли его бывшіе ученики и послѣдователи...

Врядъ ли былъ дѣятель, надъ которымъ судьба болѣе надругалась бы, чѣмъ надъ Плехановымъ...

Крупный и талантливый общественный дѣятель, обратившій на себя вниманіе съ первыхъ дней своего выступленія на политической аренѣ, убѣжденный, стойкій, ищущій и прокладывающій новые пути, онъ въ теченіе 35 лѣтъ былъ обстрѣливаемъ и врагами и единомышленниками...

До Воронежскаго съѣзда, пока революціонное движеніе въ Россіи, только что сбросившей съ себя оковы крѣпостного права, проходило по крестьянскому руслу, Плехановъ шелъ рука объ руку со всѣми народниками, свято вѣруя только въ успѣшность движенія массъ... Эти массы были инертны, невѣжественны, аполитичны... Вѣками культивированная въ этихъ массахъ вѣра въ царизмъ парализовала

всѣ усилія поднять ихъ на борьбу за „Землю и Волю“, отталкивала отъ нихъ самыхъ преданныхъ революціонеровъ и побуждала искать другую опору въ борьбѣ съ ихъ злѣйшимъ врагомъ... Этому новому теченію, возглавляемому „Народной Волей“, поддавались многіе, разочарованные въ возможности поднять сонное крестьянское царство и принимавшіе простое обывательское брюжжаніе и фрондированіе за чувство святого недовольства, чреватаго революціоннымъ дѣйствіемъ...

Для Плеханова, въ то время еще не марксиста, эта перемѣна базы была непріемлемой. Въ движенія массъ онъ не мыслилъ никакихъ социальныхъ перемѣнъ, и онъ разстался съ людьми, съ которыми три года работалъ вмѣстѣ, и сталъ мишенью упрековъ и нападокъ.

Для революціонера нѣтъ болѣе тяжелаго положенія, чѣмъ оставаться одинокимъ, изолированнымъ, чѣмъ работать наперекоръ тому, къ чему стремятся вчерашніе его единомышленники. Каждый его шагъ въ этомъ направленіи считается измѣной, каждое слово предательствомъ. А именно эту чашу горечи пришлось испытать чуть ли не до дна Плеханову, когда онъ въ моментъ наивысшаго успѣха „Народной Воли“, когда подъ ея ударами падали одинъ за другимъ и царскіе опричники и самъ царь, предостерегалъ отъ увлеченія, предсказывалъ, что вслѣдъ за кажущейся побѣдой послѣдуетъ жестокое поражение.

Его предсказанія сбылись... Жестокая реакція задушила на Руси и живыхъ людей, и живое слово, и живую мысль.

Жестокій вопросъ: „что дѣлать?“, періодически возникающій въ Россіи, вслѣдствіе ея некультурности не сохраняющей преемственной связи между однимъ политическимъ теченіемъ и послѣдующими, вновь предсталъ передъ Россіей... Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ Плехановымъ, развернувшимъ знамя марксизма и зо-

вущимъ революціонеровъ „отрѣшиться отъ стараго міра“, отъ старыхъ, изжитыхъ мировоззрѣній, не считать Россію избранной страной, которая въ состояніи, минуя стези и пути Западной Европы, сразу отъ деспотизма перепрыгнуть въ царство социализма... Плехановъ мощнымъ марксистскимъ топоромъ прорубалъ „окно въ Европу“... Его не пугали никакіе жупелы... Онъ ставилъ ясно вопросъ: Россія вступила на путь капитализма... На это нельзя закрывать глазъ... Чѣмъ быстрее и полнѣе будетъ развиваться капитализмъ, тѣмъ ближе часъ освобожденія, тѣмъ сильнѣе и мощнѣе та армія, которая совершитъ великое дѣло раскрѣпощенія

Россіи ото всякихъ узъ: и политическихъ и экономическихъ... Эта армія — не крестьянство, а рабочій классъ...

И опять посыпались на Плеханова упреки въ измѣнѣ и предательствѣ... Опять онъ съ горстью своихъ единомышленниковъ были пророками, проповѣдывавшими въ пустынѣ. Менѣе сильнаго и стойкаго, менѣе убѣжденнаго борца сложили бы эти невзгоды и неспѣхи, на Плеханова они возымѣли обратное дѣйствіе... Онъ былъ тѣмъ булатомъ, который выковывался молотомъ жизни... Будучи чуть не „однимъ въ полѣ“ — онъ продолжалъ быть воиномъ... Съ развернутымъ знаменемъ проникая во всѣ уголки общественной и политической жизни Россіи, онъ повсюду ведетъ съ противниками жестокие и упорные бои, — и побѣда остается за проповѣдуемымъ имъ ученіемъ.

Но не все, что носитъ ярлыкъ марксизма, является дѣйствительнымъ марксизмомъ... Пережитки прошлаго не изживаются сразу, и еще долго подъ сѣнью сначала марксизма, а затѣмъ и революціонной социаль-демократіи пріютился еще не изжитый бланкизмъ, склонность къ заговорищничеству, не изжитая вѣра въ возможность социальныхъ прыжковъ... А на ряду съ этимъ психологически послѣ столькихъ неудачъ вполне объяснимая, но для революціоннаго движенія гибельная и опасная склонность къ оппортунизму... Старому испытанному борцу приходится бороться и съ этимъ зломъ, уже въ собственномъ станѣ. И вчерашніе ученики и послѣдователи, отстаивая свои позиціи, поносятъ своего учителя и бывшаго вождя...

Плехановъ переживаетъ страшное время распада и сектантскаго разложенія партіи, въ которую онъ самъ вдохнулъ жизнь... Онъ борется въ самой партіи на два фронта и съ экстремизмомъ и съ оппортунизмомъ...

Его уже не обвиняютъ въ измѣнѣ... Но это не уменьшаетъ его боли и страданія... Ранѣе онъ былъ мишенью выстрѣловъ — теперь марксизмъ искажается и извращается мнимыми „марксистами“...

Плехановъ борется, борется до усталости, до изнеможенія...

И въ этотъ страшный моментъ внутренней борьбы — разражается всемірная катастрофа, какъ паутина, рвется связь между пролетариатомъ различныхъ странъ, гибнутъ

всѣ культурныя завоеванія, гибнетъ мысль, заглушенная грохотомъ пушекъ, гибнетъ свобода, завоеванная западно-европейскими странами гражданскія права... Порою кажется, что гибнетъ весь міръ...

Плехановъ въ этомъ міровомъ катаклизмѣ занимаетъ извѣстную и опредѣленную позицію... Онъ опасается, что побѣда Германіи можетъ затормозить развитіе Россіи, затормозить развитіе русскаго рабочаго класса — и онъ становится т. н. „оборонцемъ“.

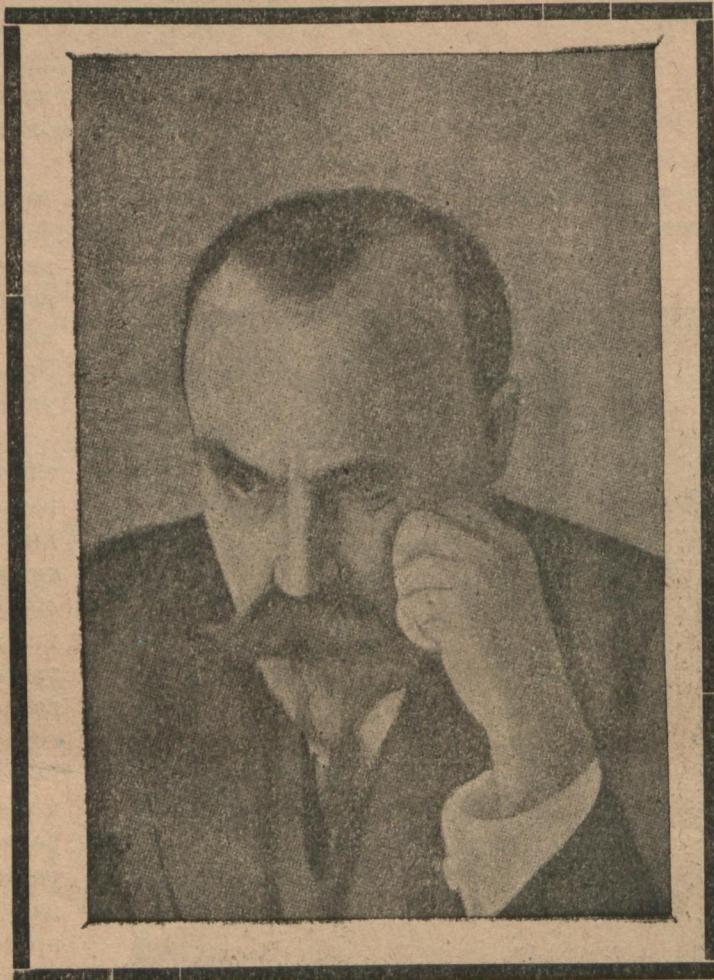
Прусскій режимъ и прусскія побѣды вызываютъ въ немъ такіе же опасенія, какія въ оное время въ Маркѣ вызывала Россія.

Онъ не учитываетъ измѣнишагося соотношенія силъ въ капиталистическихъ государствахъ, не учитываетъ силы и значенія пролетаріата, зависимости рабочаго класса одной страны отъ положенія рабочаго класса другой и становится въ противорѣчіе съ самимъ собой, даже съ тѣмъ, что онъ самъ говорилъ, чему онъ самъ училъ еще наканунѣ войны, когда ужасъ войны и внушаемая ею опасенія еще не столкнули его самого съ того пути, который онъ грудью проламывалъ въ теченіе всей своей жизни, — съ пути интернаціонализма...

Но какъ бы ни относиться къ этой позиціи покойнаго учителя, — субъективно онъ, занимая ее, исходилъ изъ интересовъ рабочаго класса и, по своему крайнему разумѣнію, за эти интересы боролся — опять таки: одинъ противъ всѣхъ, своихъ и чужихъ...

И его, старѣйшаго борца рабочаго движенія его же ученики заклеили измѣнникомъ дѣла пролетаріата, и массы, которыя онъ въ теченіе 40 лѣтъ велъ по царской пустынѣ, ворвались къ нему, больному, умирающему, и издѣвались надъ нимъ... Обычно народъ не понимаетъ, но почитаетъ и уважаетъ пророковъ... Этой дани уваженія со стороны массъ не дано было испытать борцу-учителю... Она будетъ ему принесена, но, увы, уже послѣ его смерти, когда эти массы, освободившись отъ тѣхъ пережитковъ, съ которыми онъ всю жизнь боролся, усвоятъ его ученіе... Тогда благодарныя массы принесутъ запоздалые цвѣты на его могилу... Нынѣ только сознательная часть пролетаріата преклоняетъ колѣни передъ прахомъ учителя...

К. О. Н.

Уримъ и Туммимъ.

Изъ льна крученнаго лазоревый квадратъ,
и въ три ряда на немъ двѣнадцать малыхъ плитокъ:
холодной радуги сіяющій избытокъ,
холодной радуги отточенный распадъ.

Лалъ, альмандинъ, сапфиръ, аквамаринъ, гранатъ, —
двѣнадцати колѣнъ неистребимый свитокъ.
На пряжѣ полевой, на легкой вязи нитокъ
гигантскій бѣгъ вѣковъ въ двѣнадцать камней сжать.

Первосвященниковъ воздушные эфоды
торжественно хранятъ завѣщанные годы,
ихъ нарастающій, ихъ сдержанный порывъ.

И мы, рожденные среди багровыхъ дымовъ,
запекшуюся кровь въ квадраты огранивъ,
сковали радугу для тысячи Уримовъ.

Георгій Шенгели.

Ex Oriente umbra.

Плащи изъ мутно-бѣлаго сукна,
разрѣзъ направо, алый крестъ налѣво.
Ихъ нѣжно вышивала королева,
и женская рука была вѣрна.

Подъ мѣдный плачъ латинскаго напѣва
колышется органная волна,
и сердца рыцарскаго глубина
вся рдѣетъ отъ расплавленного гнѣва.

Окончено. Звонящій вопль трубы.
На весла тяжело налегли рабы,
и въ море мѣрно выплыли галеры.

И съ берега ловилъ ихъ долго взглядъ,
прощальный взглядъ на тѣхъ, кто солнце вѣры
понесъ въ провалы первыхъ крузадъ.

Георгій Шенгели.

О Трядущемъ Искусствѣ.

1.

Геній художника среди осколковъ современности
видитъ рубины Грядущаго. И чѣмъ сильнѣе геній, тѣмъ
дальше уходитъ онъ отъ современности къ мерцающей
странѣ Будущаго.

Тотъ, кто увидѣлъ прекрасныя, но пока еще безкра-
сочныя, безтѣлесныя очертанія рождающихся міровъ, тотъ
увидѣлъ самого себя и позналъ боль невоплощенности
своей. Искушаемый желаніемъ утвердить свое „ино-бытіе“,
облечется въ рубиновыя одежды Грядущаго, — онъ долженъ
порвать цѣпи своей ограниченности.

Онъ долженъ забыть всѣ гимны, кромѣ Гимна Безумія,
воспѣвающаго великое разрушеніе и смерть. Ибо онъ долженъ
воскреснуть! Но не воскреснетъ, „аще не умретъ“. И неустанно

искушаемый ангеломъ смерти, онъ долженъ забыть всѣ
молитвы, кромѣ одной, — кромѣ молитвы изступленныхъ
проклятій.

Вы слышите грохотъ окровавленныхъ колесницъ?
Красныя кони взлетаютъ на груды труповъ. И дымится
багровый туманъ надъ полями. Огненные крылья повисли
надъ Городомъ. Тамъ на сумрачныхъ площадяхъ уже воз-
двигли тронъ Ненависти. Вы слышите мѣдный хохотъ
сумасшедшихъ дьяволовъ? Это — ангелы Смерти у престола
Грядущаго. Мы стоимъ предъ Неизбѣжностью. И кто ука-
жетъ намъ путь? Кто поведетъ насъ къ Безмолвію?

2.

Съ нами Безуміе.

И развѣ мы можемъ не быть безумными? Вѣдь мы
должны погибнуть. Предъ нами — Неизбѣжность. Предъ

нами Смерть. Смерть старого міра. Такъ было двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Тогда умирали Римъ и Эллада. Еще раньше умеръ Египетъ. Умирали и вновь воскресали.

И вотъ снова предъ нами Смерть. Можетъ быть, мы еще нескоро умремъ... Можетъ быть, пройдетъ одинъ, два, три вѣка... Но мы уже обречены. И въ безуміи отчаянья мы идемъ навстрѣчу Смерти. Мы разрушаемъ города, мы воздвигаемъ гигантскіе эшафоты, мы приносимъ кровавую жертву богу всемірной злобы.

Проживши два тысячелѣтія, этотъ міръ — міръ Христа и Капитала умираетъ. И въ этомъ смертномъ пути въ авангардъ идетъ Всеми́рный Пролетаріатъ. Агонія будетъ длительной. И мы хотимъ одного — приблизить конецъ. Пусть скорѣе умретъ этотъ міръ! Да здравствуетъ Смерть!

... Васъ много въ черныхъ городахъ — и у васъ одно имя, жесткое, колющее имя — Пролетарій. У васъ много странъ, и одна отчизна — Интернаціональ... Развѣ не знаете вы, что конецъ близокъ? Развѣ не видите вы лица Смерти?

3.

Еще не умеръ старый міръ. Но уже умерло старое искусство. И новое искусство должно зародиться раньше возрожденія міра. Новую жизнь будутъ творить новые люди. У нихъ будутъ новыя формы общественности, новая наука, новая культура. Ихъ мысль пойдетъ новыми путями. Они увидятъ новое мірозданье, новую природу, новую красоту.

Новое искусство создадутъ новые люди. Еще не родился новый міръ, но уже рождаются новые люди. Ихъ судьба трагична. Они должны принять на себя всю тяжесть и боль рожденія новаго міра. Это — призраки Будущаго, воплотившіеся и вочеловѣчившіеся, осужденные скитаться въ хаосъ еще неустроенной земли. И безмѣрна боль ихъ, ибо новому духу дана старая форма. Живые символы Будущаго... Кто пойметъ ихъ?... Они положатъ первые камни въ основаніе храма Новаго Искусства.

4.

Смерть старому міру несетъ геній Революціи.

Старое искусство уже разрушено геніемъ Революціи.

Творческими силами революціоннаго генія должны быть созданы новыя формы искусства. Но формы въ искусствѣ есть нѣчто очень сложное. Въ поэзіи — метры, ритмы, композиція, все это — внѣшняя форма. Ей соответствуетъ внутренняя форма. Это — форма видѣній поэта, — форма, предшествующая матеріализаціи этихъ видѣній. Внутренняя форма — продуктъ чистаго вдохновенія. Внѣшняя форма, кромѣ вдохновенія, требуетъ мастерства, словеснаго таланта. Революціонная работа до сихъ поръ производилась въ области внѣшней формы.

Но эта революціонная работа — даже въ томъ случаѣ, если она принимала созидательный видъ, — по существу была чисто разрушительной. Пророками и созидателями новаго искусства объявили себя анархисты — всѣхъ толковъ. Утверждая свою работу на центробѣжныхъ силахъ, они разломали старое искусство.

Поэты-футуристы руководствовались принципомъ полной автономіи слова и звука. Они утверждали полную самодовлѣмость внѣшней формы. Наиболѣе послѣдовательные совершили окончательный разрывъ, совсѣмъ оторвали внѣшнюю форму отъ внутренней. Появились пѣсни „безъ словъ“, состоящія изъ однихъ звуковъ.

И поэзія умерла.

5.

Умеръ Великій Панъ. Черезъ двѣ тысячи лѣтъ умеръ Христосъ. И тотъ, кто на кладбищѣ христіанства рождаетъ въ себѣ новаго человѣка, — долженъ быть подвижникомъ.

Поэзію Будущаго создадутъ новые аскеты. Ими будетъ совершена глубокая революція, которая приведетъ къ перерожденію искусства. Подлинная революція начнется тогда, когда изъ центра помчатся могучіе токи революціонной энергіи.

Первая стрѣла революціи — въ сердце Поэзіи. Смерть старой лирики.

Въ лирикѣ формирующимъ началомъ служитъ чувство. Въ то же время чувство является объектомъ лирики, ея матеріаломъ. Новая, высшая формація лирики возникнетъ тогда, когда объектомъ лирики станетъ *отвлеченная мысль*. При этомъ лирика не превратится въ философію, потому что формулирующимъ началомъ останется чувство.

При этомъ глубоко, внутренне *перерожденіи* лирики, значительно измѣнятся ея тона. Очертанья станутъ тоньше, воздушнѣе. „Мертвая природа“ навсегда потеряетъ свою самодовлѣмость. Культъ вещей исчезнетъ и въ искусствѣ и въ жизни — вмѣстѣ съ гибелью Капитала. И накопленныя вѣками мертвыя вещи будутъ выброшены изъ подваловъ Искусства.

Жизнь — въ движеніи. И каждая вещь въ этомъ вѣчномъ движеніи будетъ многообразно символичной. Въ неустанномъ движеніи, — разорвавъ замкнутость чувства, мы сдѣлаемъ сверхчеловѣчскій „прорывъ въ Вѣчность“. Основаніемъ, исходнымъ пунктомъ лирическаго движенія къ Вѣчности можетъ служить только *мысль* въ своей чистѣйшей формѣ, то-есть абстрактная мысль. Чувство же лишено устойчивости.

Глубокій революціонный переворотъ, во главѣ котораго пойдетъ Лирика, приведетъ къ *диктатурѣ лиризма* въ поэзіи и вообще въ искусствѣ. И почва для этой диктатуры уже подготовлена. Чурлянисъ — этотъ одинокій предтеча — сдѣлалъ первую попытку установленія лирической диктатуры въ живописи. Символическій лиризмъ откроетъ передъ поэзіей Будущаго необъятные горизонты.

6.

Къ поэзіи Будущаго одинъ путь — путь разрушенія. Надо взорвать храмъ своей Музы. Чтобы не погибла Муза, надо произвести рядъ послѣдовательныхъ взрывовъ, разрушая храмъ по частямъ. Внѣшняя форма поэзіи будетъ измѣняться постепенно, въ соотвѣтствіи съ количествомъ и силой внутреннихъ взрывовъ.

Вся разрушительная работа должна быть выполнена по строгому плану. Всѣ демоны разрушенія должны подчиняться единому Рухителю. Эта стройность разрушительной работы дастъ намъ ту отчетливость и ясность поэтическаго сознанія, которыя необходимы для лирики отвлеченной мысли. Если мы въ своемъ разрушеніи не будемъ руководствоваться единымъ, универсальнымъ принципомъ, — предъ нами откроется бездна Хаоса.

Ясность поэтическаго сознанія требуетъ законченности внѣшней формы, „новой классичности“. Новая классичность — это — пристань, отъ которой отчалятъ корабли Революціи.

7.

Процессъ внутренняго перерожденія произойдетъ въ сферѣ всѣхъ искусствъ. Вездѣ будетъ установлена диктатура революціоннаго лиризма, которая приведетъ къ синтезу искусствъ. Образецъ синтетическаго творчества данъ Чурлянисъ, — онъ синтезировалъ живопись и музыку. Для такого синтеза необходимо совершенно новое воспріятіе міра. Грядущее Искусство требуетъ новой души. И художникъ долженъ убить свою старую душу, превратившись въ студию въ лабораторію — для изготовленія ядовъ. Это — путь новаго подвижничества.

Вступивши на этот тяжелый путь, мы должны разорвать оковы своей индивидуальности. Мысль, ставши основой лиризма, пробьет брешь в той стѣнѣ, которою индивидуальность отгородилась отъ міра. И, если художникъ, вступившій на путь Великой Революціи, будетъ безсиленъ создать *новую форму души* своей, онъ долженъ взорвать самого себя. На этихъ окровавленныхъ развалинахъ поднимается Грядущее Искусство.

8.

Игорь Сѣверянинъ въ гостиную ея сіятельства восклицаетъ: „пора популяризировать изыски“. Будетъ ли искусство завтрашняго дня — революціонное искусство — „популяризировать изыски“? Приблизится ли оно къ массамъ? Нѣтъ. Пропастъ между художникомъ и „толпой“ станетъ еще глубже. Но, можетъ быть, придетъ „мѣщанинъ въ пролетарствѣ“ и скажетъ: пора популяризировать изыски... Можетъ быть, послѣ возрожденія начнется „пролетарскій декадансъ“... „Мѣщанство духа“ не скоро умретъ. Оно обладаетъ большою приспособляемостью.

Какой же ликъ будетъ имѣть искусство завтрашняго дня?

„Мнѣ отмщеніе, и азъ воздамъ,“ — эти слова мы увидимъ на знамени его. Отмщеніе за поруганіе Духа!.. Въ немъ отразятся великія муки рожденія, крики злыхъ диссонансовъ, ужасъ разрушенія и безуміе послѣдняго отреченія, — отреченія отъ самого себя во имя новаго воплощенія.

Нѣтъ предѣловъ Отчаянья — и безмѣрна гордость держащей Мысли. Безуміе и великая скорбь Одиночества... Скорбь Одиноката Духа на кладбищѣ міра. Отчаянье безсилія... Трагическаго безсилія передъ силой Индивидуальности. Ибо надо разбить силу своей индивидуальности, чтобы вступить на путь Вѣчнаго Движенія.

Среди развалинъ стараго міра возникнетъ чудовищное царство Безумной Пустоты — и темныя тѣни будутъ на ликѣ Искусства. Имена тѣхъ, кто войдетъ въ храмъ Грядущаго Искусства, будутъ записаны въ „Книгѣ“ Отреченія.

И будутъ записаны имена ихъ въ Книгѣ Смерти, — они должны умереть, чтобы воскреснуть въ свѣтлой обители еще не сошедшаго Духа.

9.

На праздникъ Смерти — въ нашемъ темномъ Городѣ зазвѣнятъ неслыханные звуки, и во мракѣ предсмертной тоски мы увидимъ первые лучи невиданнаго свѣта. На темномъ ликѣ нашего искусства мы увидимъ отсвѣты зари, предвѣщающей Новое Солнце.

Мы не дойдемъ до предѣловъ Пустыни, за которой лежитъ земля обѣтованная. И мы воспоемъ нашъ путь въ Пустынѣ, путь печали и страха. Предъ лицомъ Неотвратимаго мы воспоемъ гордость Безумія своего. Мы укажемъ Грядущему Искусству путь Вѣчнаго Движенія черезъ Пустыню къ Великому Океану, — отъ безумія Всемирной Пустоты къ просвѣтленной радости Всепознающаго Духа.

Мы должны въ лабораторіи новаго искусства накопить неистощимые запасы революціонной энергіи — для новыхъ взрывовъ, для того, чтобы геній Революціи прошелъ до конца путь свой, предначертанный Рухителемъ.

И когда лицо міра станетъ просвѣтленнымъ, тогда мы познаемъ радость всеблаженнаго творчества, тогда мы увидимъ грезу о синтезѣ Искусства и Жизни.

10.

Наступила Послѣдняя Ночь — и танцуетъ Безумная Литта во дворцѣ Смерти. „Ночь глубже, чѣмъ думалъ день“, — и мы падаемъ въ ея глубину.

Разбейте свои лиры о камни и кричите безумными голосами во мракѣ Послѣдней Ночи.

Вы... которые вышли навстрѣчу Грядущему Искусству... Не берите съ собою богатыхъ одеждъ. Въ чертогахъ Двудликой Матери міра есть новыя одежды.

Свои раны мы покроемъ рубищами, какъ нищіе пилигриммы.

Дэвайонъ.

Изъ цикла „Городъ“.

Ноктюрнъ.

Умеръ день, истомляющій врагъ,
Прозвенѣли мечты звонко струн-
нѣй, —

И повисли на черныхъ столбахъ
Золотые шары полнолуній.

Вяжутъ новый чудесный узоръ
Огоньки небывалыхъ созвѣздій.
Проплывающій, тающій взоръ
Будить сонъ о прекрасной
невѣстѣ.

Этотъ вихрь, этотъ шумъ, этотъ
свѣтъ

Уронило на землю не небожь?
Расцвѣтаетъ весенній мой бредъ
Въ городскую волшебную небыль.

Я ищу въ очертаніяхъ лицъ
Отраженій поющаго мая...
Полыхнули сіянья зарницъ, —
Голубыя улыбки трамвая.

А въ витринахъ лучистая дрожь
Сыплетъ жемчугъ извивный на
злато.

Гдѣ безумье? Гдѣ правда? Гдѣ
ложь?

— Все бездумно, прекрасно и свято!

Зажигая, побѣдно горить...
Пьешь экстазы, что сердцу про-
пѣли...

.....

Какъ большая летучая мышь,
Пробезшумѣлъ далекій пропел-
леръ.

1915 г.

П. Шлейманъ.

Пиковая Дама.

Назойливая греза:

„Сегодня ты умрешь...“

Ну, что жъ! Я ставлю... Козырь!
Семерка бита! Ложь!

— Сегодня ты великій...—

Мой Дьяволъ мнѣ твердитъ...

— „Va-banque“! — Иду на пики...
Мечу... И козырь бить.

Не можетъ быть! Незрячи,
Темны мои глаза...

Такъ значитъ неудачи
Мнѣ ждаты и отъ туза?

На что же мнѣ поставить?

Приди, о дама пикъ...

Жестокій, какъ отравы,
Твой строгій, смуглый ликъ.

И снова ложь! Забрали,
Покрыли даму пикъ!

О Смерть! Въ угарной залѣ
Я твой увидѣлъ ликъ.

.....

Надъ выюжными снѣгами
Изъ оконъ блѣдный свѣтъ...
Смѣется Смерть за рамой
И шлетъ мнѣ свой привѣтъ.

1915.

Александръ Гатовъ.

Воспоминанія.**ГЛАВА IX.**

Я часто впоследствии вспоминалъ ночь, проведенную тогда съ Рехневскимъ, и его рассказы объ этихъ кошмарныхъ явленіяхъ. Я тогда въ первый разъ въ жизни услышалъ, что черезъ нѣсколько дней долженъ быть убитъ человекъ — и я не былъ потрясенъ. Мысль объ этомъ предстоящемъ убійствѣ меня не взволновала... Послѣ всего услышаннаго мною этотъ негодяй, по трупамъ и крови взбиравшійся на министерскій стулъ, какъ бы пересталъ быть для меня человѣческимъ существомъ...

На слѣдующій день рано утромъ Рехневскій уѣхалъ курьерскимъ поѣздомъ обратно въ Петербургъ и немедленно по пріѣздѣ туда держалъ выпускной государственный экзаменъ по юридическому факультету. Это обстоятельство

имѣло для него впоследствии огромное значеніе. Одинъ изъ предателей, Вацлавъ Гандельсманъ, пораженный въ партійной работѣ своимъ „благородствомъ“, пустой человекъ, неизвѣстно, зачѣмъ и почему принявшій участіе въ революціонномъ движеніи, на допросѣ показалъ, что Рехневскій былъ въ эти дни въ Варшавѣ и извѣстилъ о предстоящемъ убійствѣ Судейкина. Рехневскій опровергъ документально это показаніе. Онъ представилъ удостовѣреніе ректора, что онъ именно въ указанный Гандельсманомъ день держалъ государственный экзаменъ.

— Какъ вы это устроили? — спросилъ я его уже послѣ суда.

— Довольно просто... Это собственно сдѣлалось безъ меня, само собою... Списокъ экзаменуемыхъ былъ раздѣленъ въ алфавитномъ порядкѣ на 5 очередей. Я долженъ былъ экзаменоваться въ третьей очереди, а экзаменовался

въ пятой. А такъ какъ на списокъ было отмѣчено, что третья очередь экзаменовалась въ тотъ день, когда я былъ въ Варшавѣ, то ректоръ и не подозрѣвалъ, что я могъ не держать тогда экзамена. Я и воспользовался этимъ.

Конечно, несмотря на такія документальныя данныя, судъ призналъ фактъ пребыванія Рехневскаго въ этотъ день въ Варшавѣ доказаннымъ...

Дня черезъ три или четыре послѣ этого была получена изъ Питера телеграмма за подписью: „Унковскій“...

Судъ свершился... Одинъ изъ столповъ самодержавія рухнулъ...

Мы принялись за печатаніе воззванія, но два часа спустя приостановили работу. Отправленная Рехневскимъ телеграмма была намъ доставлена съ большимъ замедленіемъ... „Курьеръ“ успѣлъ раньше насъ оповѣстить о событіи...

— Всемогуцій Судейкинъ былъ убитъ, но что съ Дегаевымъ? — вотъ вопросъ, который волновалъ насъ всѣхъ.

Дня черезъ три, черезъ четыре само правительство оповѣстило весь міръ о судьбѣ Дегаева... По всей необъятной Россіи, въ городахъ и деревняхъ, на вокзалахъ и на паромныхъ пристаняхъ, были расклеены обращенія правительства къ населенію съ обѣщаніемъ награды въ 10.000 р. за поимку Дегаева и 5.000 р. за указанія, могущія привести къ его поимкѣ.

Изъ этого слѣдовало, что онъ ускользнулъ изъ рукъ жандармовъ. Впослѣдствіи мы узнали, что его увезъ изъ Петербурга Куницкій...

— Это былъ самый тяжелый моментъ въ моей жизни! — рассказывалъ впослѣдствіи Куницкій. Я ожидалъ Дегаева въ условленномъ мѣстѣ... Онъ вошелъ, чуть не вбѣжалъ, совершенно растерянный, взволнованный. Все уже заранѣе было подготовлено для дороги, и мы немедленно отправились на вокзалъ и взяли билетъ въ Либаву, гдѣ все было подготовлено Рехневскимъ для дальнѣйшей отправки Дегаева на пароходѣ за границу. Я все время нащупывалъ въ карманѣ заряженный револьверъ. Надѣялся на то, что Дегаевъ, въ случаѣ ареста, опять не выдастъ всѣхъ и все, что зналъ, не приходилось... Выбора не было... Въ случаѣ появленія жандармовъ мнѣ предстояло убить сначала его, а затѣмъ себя. Дегаевъ зналъ о грозившей ему опасности... Мы не разговаривали другъ съ другомъ... О чемъ было говорить съ нимъ? Малѣйшій шорохъ вызывалъ въ немъ дрожь... И эта мука продолжалась нѣсколько часовъ, пока я его не сдалъ въ Либавѣ съ рукъ на руки тѣмъ, кто долженъ былъ его сопровождать въ дальнѣйшемъ пути. Со слѣдующимъ поѣздомъ я отправился обратно въ Петербургъ. Когда поѣздъ подъѣзжалъ къ вокзалу, сразу можно было замѣтить, что убійство Судейкина уже обнаружено. Вся полиція была поставлена на ноги. Шпики шныряли во всѣ стороны, внимательно осматривая каждого отъѣзжающаго и пріѣзжающаго... Запоздали! — улыбаясь, кончилъ Куницкій.

Да, запоздали! Дегаевъ былъ благополучно доставленъ за границу, здѣсь вторично допрошенъ и въ показаніяхъ назвалъ тысячи лицъ, выданныхъ имъ, частью уже арестованныхъ, частью уцѣлѣвшихъ только благодаря тому, что убившіе Судейкина Канашевичъ и Стародворскій ухитрились уже послѣ убійства унести изъ квартиры, на которой онъ былъ убитъ, списки лицъ, указанныхъ Дегаевымъ, съ точнымъ обозначеніемъ, кто и какую роль игралъ въ партіи.

Съ этого момента Дегаевъ исчезъ, словно въ воду канулъ. Носились слухи то, будто онъ въ Америкѣ, то, что онъ учительствуетъ или даже профессорствуетъ въ Австраліи... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ распространилось извѣстіе о его смерти... Но этимъ никто не интересовался, и это извѣстіе такъ и осталось никѣмъ не провереннымъ... И только на дняхъ нѣкоторыя газеты сообщили о томъ, что какой-то безумецъ-анархистъ убилъ его теперь въ Америкѣ...

Кошмарное извѣстіе!

Надъ Дегаевымъ состоялся судъ, который вынесъ ему опредѣленный приговоръ. Онъ этому приговору подчинялся въ теченіе 35 лѣтъ... Чѣмъ была его жизнь за это время — можно себя представить...

И, несмотря на это, нашелся преступный безумецъ, у котораго поднялась рука, вооруженная револьверомъ, на этого жалкаго, доживающаго послѣдніе дни старца...

Кошмарное извѣстіе! Кошмарное время, когда возможно такое кровавое безуміе!

Убійство Судейкина и ликвидація Дегаевщины происходили далеко за предѣлами Польши и къ намъ имѣли лишь косвенное отношеніе. Но... то было время, во многомъ напоминающее переживаемый нынѣ моментъ, — время жестокой реакціи и расправы съ революціонерами — время министерства Дмитрія Толстого и завѣдыванія департаментомъ полиціи Плеве. Въ Петербургѣ въ то время создавалась система, которая, какъ полищъ, оплела всю Россію, а въ особенности Польшу, изстари славившуюся, какъ питомникъ будущихъ укротителей Россіи... Здѣсь выросъ и окрѣпъ знаменитый Треповъ, въ котораго впослѣдствіи стрѣляла Вѣра Засуличъ, на Польшѣ упражнялся знаменитый шефъ жандармовъ Оржевскій, здѣсь началъ свою карьеру знаменитѣйшій изъ знаменитѣйшихъ Плеве, а впослѣдствіи, уже въ царствованіе Николая II — всевозможные Клейгельсы, бароны Нолькены, Вали и пр. и пр... Въ описываемое время подвизались въ Варшавѣ и во всемъ царствѣ Польскомъ генераль-губернаторъ Гурко и попечитель учебнаго округа Апухтинъ... Они задавали тонъ и они же при дѣятельномъ содѣйствіи начальника жандармскаго округа Брока „давали ходъ“ всѣмъ тѣмъ, кто ради личной карьеры готовъ былъ пожертвовать и совѣстью и честью, не считаться ни съ дружбой ни съ родствомъ, ни съ религіями закона, ни со справедливостью, ни даже съ интересами государства и его престижа, лишь бы угодить начальству и подняться выше по ступенямъ чиновничьей лѣстницы. Въ этомъ отношеніи выдѣлялись въ чиновничьемъ и военномъ мірѣ чины жандармскаго вѣдомства и прокурорскаго надзора. Слава петербургскаго Судейкина не давала покоя товарищу прокурора варшавскаго окружнаго суда — специалисту по политическимъ дѣламъ Янкулю и жандармскимъ подполковникамъ Сѣкеринскому — впослѣдствіи переведенному на высшій постъ въ Петербургъ — и Бѣлановскому... Они были въ Варшавѣ первыми инициаторами системы провокаціи... По ихъ инициативѣ и почину втерся въ организацію рѣзчикъ по дереву Барановскій, изготовившій съ ихъ вѣдома и согласія клише заглавія для № 5 „Пролетаріата“, способствовавшій всѣми возможными средствами террористическимъ актамъ, они развратили и сдѣлали своими агентами многихъ рабочихъ въ Варшавѣ, въ Лодзи и Згержѣ. Но эти приемы не приводили къ тѣмъ результатамъ, о которыхъ они мечтали, къ результатамъ, которые могли бы обратить на нихъ благосклонное вниманіе высшаго начальства. Ихъ завѣтной мечтой было раскрыть крупный заговоръ, найти его развѣтвленія по всей Россіи, изобразить яркими красками опасность, какую этотъ заговоръ представлялъ для всего государства, выставить себя въ роли спасителей — и сдѣлать крупную карьеру. Осуществленіе этого грандіознаго плана было почти недостижимо. Центръ политической борьбы былъ въ Петербургѣ, работа въ Польшѣ, по необходимости, сводилась къ устной и печатной пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ, почвы для такого рода заговора не было и быть не могло... Но это не смущало этихъ господъ. Не достигнувъ цѣли при помощи провокаціи, Янкулю, Сѣкеринскій и Бѣлановскій, главнымъ же образомъ первые два, пустили въ ходъ другой приемъ. Начались повальные обыски и аресты, главнымъ образомъ, среди рабочихъ, обвиненія

въ небывалыхъ преступленіяхъ. Людей запугивали, страшили, добивались нужныхъ имъ показаній, а когда и это не достигало цѣли, просто заставляли подписывать незаполненные листы бумаги, на которыхъ уже безъ допрашиваемого вносились въ видѣ ихъ показаній плоды жандармской и прокурорской фантазіи. Многіе протоколы напоминали страницы бульварныхъ французскихъ криминальныхъ романовъ... Этотъ подлогъ совершался до того грубо, что покойный Владиміръ Спасовичъ въ послѣдствіи на судѣ предъявилъ цѣлый рядъ „протоколовъ“, недописанныхъ до конца. Послѣднія строки „протокола“ находились на одной сторонѣ, а подпись допрашиваемого внизу на другой... Эти приемы приводили рабочихъ въ ужасъ и трепетъ... Помню одного старика рабочаго, явившагося на собраніе на слѣдующій день послѣ того, какъ его освободили... Онъ былъ совершенно пришибленъ. — „Безъ вины дѣлають человека поддѣлцомъ!“ — подвелъ онъ итогъ скорбной повѣсти о томъ, какъ его допрашивали...

Такихъ пришибленныхъ были сотни, и эти сотни навели панику на рабочую массу. Фамиліи Янкулію и Сѣкеринскаго становились какимъ-то пугаломъ.

— Этому надо положить предѣлъ, — мрачно заявилъ на одномъ изъ собраній Куницкій...

„Надо!“ Это мы всѣ сознавали...

„Надо“... „Необходимо“... Но какъ?... „Собакамъ собачья смерти!“ — рѣшали болѣе горячіе и пылкіе. Но это не рѣшало вопроса... Независимо отъ того, что мы, польскіе революціонеры, вполне раздѣляли взглядъ поэта-революціонера Мицкевича: „у царя псарня большая... Что изъ того, что одинъ песъ сдохнетъ“, — вѣдь этимъ вопросъ не рѣшался... Составленные протоколы и послѣ убійства Янкулію и Сѣкеринскаго сохраняли свою гибельную для сотни людей силу... Единственнымъ спасеніемъ было уничтоженіе этихъ протоколовъ... Это было не легко... Мы совѣщались долго... Мучительныя совѣщанія! Сотни людей ждали отъ насъ спасенія не только ихъ, но ихъ честнаго имени, а мы, тѣ, на которыхъ они возлагали свои надежды, не въ состояніи были помочь имъ...

На одномъ изъ засѣданій рѣшеніе было найдено... Рѣшеніе фантастическое, но послѣ взрыва въ зимнемъ дворцѣ, совершеннаго Халтуринымъ, въ карманахъ переносившимъ динамитъ во дворецъ и прятавшимъ его подъ постелью, на которой онъ спалъ, — развѣ можно было провести грань между возможнымъ и невозможнымъ, между міромъ фантазіи и міромъ реальнымъ!

Принятое рѣшеніе было очень простое: взорвать камеру товарища прокурора... Эта камера находилась на углу Красинской площади и Длугой ул. — въ одномъ изъ самыхъ оживленныхъ мѣстъ въ городѣ... Доступъ туда былъ не изъ легкихъ... Взрывчатыхъ веществъ у насъ тоже не было.

Но это насъ не остановило.

Мы принялись за изготовленіе какого-то особеннаго взрывчатого вещества — панкластита — по рецепту, составленному еще казненнымъ по дѣлу 1 марта 1881 г. Кибальчичемъ.

Круглые невѣжи въ этомъ дѣлѣ, мы во время изготовленія чуть не заплатились жизнью за это невѣжество. При вливаніи одной жидкости въ другую, совершенно неожиданно для насъ послѣдовалъ взрывъ... Раздался оглушительный шумъ, штукатурка съ потолка обвалилась, стекла въ окнахъ потрескались... Никто изъ насъ не пострадал. Но... на лѣстницѣ послышался топотъ шаговъ встревоженныхъ сосѣдей...

— Выйдите къ нимъ! Успокойте ихъ! — спокойнымъ голосомъ отдалъ Куницкій распоряженіе хозяину квартиры и главному нашему „пиротехнику“ — Ставискому, студенту естественнаго факультета Варшавскаго университета...

Это порученіе было мгновенно исполнено.

„Ничего! Пустяки! Химическій опытъ! Реторта взорвалась!“ — доносились до насъ бросаемаыя Ставискимъ слова...

— А вы бы поосторожнѣе, — отчитывалъ его кто-то...

— И у профессора это можетъ случиться! — огрызнулся Ставискій... Волненіе улеглось... Опасность миновала...

Въ этотъ моментъ въ высшей степени характерно было поведение двухъ людей, принимавшихъ участіе въ изготовленіи взрывчатыхъ веществъ: Ставискаго и Пацановскаго.

Ставискій сохранилъ полное хладнокровіе, Пацановскій перепуганный на смерть, забился въ уголъ, поблѣднѣвъ какъ мѣлъ, и дрожалъ всѣмъ тѣломъ... Если бы на основаніи этого судить объ обоихъ, то можно было бы думать только о одномъ быть спокойнымъ, а относительно другого питать большія опасенія... На дѣлѣ же, когда оба попали въ руки жандармовъ, оба перетрусили и оба выдавали. Знаяшій многое Пацановскій выдалъ больше, весьма много. Знаяшій Ставискій выдавалъ меньше, но оба „чистосердечно“ сознались, оба сообщили не только все, что знали, и то, чего не знали.

Кто-то обратилъ вниманіе Куницкаго на поведение Пацановскаго въ этотъ моментъ, но онъ резонно возразилъ...

— Это фізіологическій страхъ, совершенно не зависящій отъ человѣка и не имѣющій ничего общаго съ нравственностью.

Впослѣдствіи оказалось, что Пацановскій не только „фізіологическій трусъ“... Исключительно благодаря показаніямъ былъ казненъ молодой двадцатилѣтній рабочий Янъ Петрусинскій...

Но въ то время никто не подозрѣвалъ даже возможности предательства съ его стороны, и онъ продолжалъ въ прежнемъ принимать участіе въ партійной работѣ и въ частности въ изготовленіи злополучнаго „панкластита“.

Феликсъ Конъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

Россія въ охранномъ отдѣленіи.

Нахамкисъ
Овше Моисеевъ

Управленіи формальному дознанію, каковое въ отношеніи его С. П. Б. совѣщаніемъ было прекращено за недостаткомъ уликъ. Въ 1907 г. Нахамкисъ участвовалъ на 5-мъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П., происходившемъ въ Лондонѣ. Затѣмъ Нахамкисъ составилъ отчетъ думской фракціи Р. С.-Д. Р. П., который былъ прочтенъ на состоявшейся въ декабрѣ 1908 г. въ Парижѣ обще-русской конференціи. Въ январѣ 1909 г. Нахамкисъ проживалъ въ С.П.Б. и состоялъ платнымъ секретаремъ редакціи издающейся за границей газеты „Пролетарій“, органа фракціи большевиковъ Р. С.-Д. Р. П.

Примѣты: ростъ 2 арш. 9 вершк., тѣлосложеніе крѣпкаго, волосы на головѣ темно-русые, на бородѣ свѣтло-русые, глаза сѣрые, лицо круглое, блѣдное

СПРАВКА. ФУНДАМИНСКИЙ, Илья-Исаакъ Израилевъ. Извѣстенъ также подъ фамиліей БУНАКОВЪ, онъ же НЕПОВѢДИМЫЙ, сынъ купца, родился 17 октября 1881 г. въ Москвѣ, сталъ извѣстенъ Московскому Охранному Отдѣленію по сношеніямъ съ бывшими студентами Московскаго университета, участвовавшими въ студенческихъ безпорядкахъ 1896 и 1899 г.г.; кромѣ того, въ квартирѣ Бунакова бывали пропагандисты и лица, извѣстные своей неблагонадежностью. Въ февралѣ 1901 г. Бунакова посѣщали извѣстные убѣжденные социалисты-революціонеры, вербовавшіе будущихъ террористовъ: Либрехтъ, Соломонъ, Абрамъ Гоцъ и др. 14/IX того же года Бунаковъ со своей сестрой и съ А. Гоцомъ выбылъ за границу въ Берлинъ, гдѣ они вступили въ постоянныя сношенія съ выдающимися дѣятелями революціонной фракціи „Рабочее Дѣло“ и организаціи „Искра“, отправлявшими транспорты нелегальной литературы въ Россію. 11 марта 1902 г. Бунаковъ былъ арестованъ на ст. Александрово и привлеченъ къ перепискѣ по охранѣ на ст. Александрово при С.П.Б. губ. жанд. Управленіи, но постановленіемъ особаго совѣщанія 22/VI 1902 г. таковая прекращена, за отсутствіемъ данныхъ къ признанію неблагонадежности.

Въ 1904 г. Бунаковъ имѣлъ сношенія съ Зоей Лункевичъ, бывшей изъ-за границы съ порученіемъ отъ Центральнаго Комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ, а въ іюнѣ 1905 г. посѣщала квартиру Майновыхъ, гдѣ бывалъ тогда же извѣстный членъ партіи социалистовъ-революціонеровъ Бончъ-Осмоловскій. Бунаковъ и его жена были обысканы 12 сентября 1905 г. и арестованы вслѣдствіе прикосновенности къ дѣлу Зинаиды Коноплянниковой, задержанной въ Смоленскѣ 12 сентября, но дѣло по высочайшему указу 21/IX 1905 г. было прекращено. Супруги Бунаковы въ августѣ и сентябрѣ 1906 г.,

СПРАВКА. НАХАМКИСЪ, онъ же Нехамкисъ, онъ же СТЕКЛОВЪ, Овшій (Овше, Евгений, Юрій, Овша), партійныя клички Невзоровъ и Рязановъ. Одесскій мѣщанинъ, бывший студентъ университета Св. Владимира, 45 лѣтъ, іудейскаго исповѣданія, русскій подданный, литераторъ. Въ 1894 г. Нахамкисъ привлекался при одесскомъ жанд. управленіи къ формальному дознанію объ организованныхъ имъ совместно съ Цыперовичами, Калашниковымъ и другими противоправительственныхъ кружкахъ матросовъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Въ силу Высочайшаго повелѣнія 14 іюня 1896 г. Нахамкисъ, по вмѣненіи ему въ наказаніе предварительнаго заключенія, былъ высланъ въ Восточную Сибирь на 10 лѣтъ и водворенъ въ Средне-Колымскѣ Якутской области. Въ 1897 г. Нахамкисъ былъ принятъ на дѣйствительную военную службу и зачисленъ въ Якутскую мѣстную команду. По увольненіи въ запасъ Нахамкисъ въ декабрѣ 1899 г. скрылся изъ прежняго мѣста водворенія и былъ внесенъ въ розыскной циркуляръ отъ 14 декабря 1899 г. за № 2271.

Поселившись за границей, Нахамкисъ вскорѣ занялъ выдающееся положеніе среди членовъ Р. С.-Д. Р. П. и принялъ дѣятельное участіе въ изданіи органа этой партіи „Искра“. Въ 1900 году Нахамкисъ присутствовалъ на международномъ социалистическомъ конгрессѣ въ Парижѣ, а также на съѣздѣ социаль-демократовъ въ Женевѣ, гдѣ выступалъ докладчикомъ отъ Центральнаго комитета Р. С.-Д. Р. П. 3—16 ноября 1905 г. Нахамкисъ въ числѣ 500 лицъ принималъ участіе въ публичномъ митингѣ, устроенномъ въ залѣ „Mille Colonnes“ въ Парижѣ, гдѣ произнесъ рѣчь, въ коей настаивалъ на необходимости совершенія ряда террористическихъ актовъ въ отношеніи членовъ царствующаго Дома. Въ томъ же мѣсяцѣ Нахамкисъ обратился по телеграфу изъ Берлина съ ходатайствомъ о разрѣшеніи выдать ему паспортъ на проѣздъ въ Россію. 5 ноября генеральному консулу въ Берлинѣ Департаментомъ полиціи было сообщено о неимѣніи препятствій къ выдачѣ Нахамкису паспорта. 14 того же ноября онъ возвратился въ предѣлы Имперіи, а 3-го декабря 1905 г. былъ арестованъ въ Петербургѣ на засѣданіи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ производившемуся о помянутомъ обществѣ при С. П. Б. губ. жанд.

Установленнымъ разновременно наружнымъ наблюдениемъ въ 1916 году за членами студенческой фракціи социалистовъ-революціонеровъ выяснена была связь студента Оганджаниянца съ другими членами той же фракціи и рабочими. Кромѣ того, замѣчены были собранія: 1) 14-го іюня 1916 года въ д. Григорьева на Скуридиной дачѣ, на коемъ присутствовали: Оганджаниянцъ, Волостновъ, Борчанъ и нѣсколько человекъ, по виду, рабочихъ, 2) 25-го іюня того же года на Лютовской улицѣ с. Основы въ домѣ Литвинова, повидимому, въ квартирѣ неизвѣстнаго, кличка наружного наблюдения „Парусиновъ“, на коемъ присутствовали: Оганджаниянцъ, Волостновъ и неизвѣстный, повидимому, ученикъ Дергачевского сельско-хозяйственного училища (кличка наружного наблюдения „Значекъ“) и 3) 29-го іюня того же года по Старо-Московской улицѣ, въ скверѣ, на коемъ присутствовали: Оганджаниянцъ, Борчанъ и человекъ 12 неизвѣстныхъ рабочихъ. Въ дальнейшемъ наружное наблюдение не отмѣтило ничего существеннаго вплоть до настоящаго времени, что даетъ основаніе полагать, что агентурныя свѣдѣнія о томъ, что рабочія группы социалистовъ-революціонеровъ распались и лица, входившія въ нихъ, бездѣйствуютъ, основательны.

Возвращаясь къ студенческой с.-р. фракціи, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе наиболее яркіе моменты ея революціонной дѣятельности съ Января 1916 г. по сіе время: 27 Іюня 1916 года были выпущены отъ имени фракціи Оганджаниянцемъ и Волостнымъ размноженныя на миміографѣ въ с. М.-Даниловкѣ, Харьковскаго уѣзда, въ квартирѣ Волостнова, до 200 экземпляровъ воззванія съ призывомъ противъ войны и къ заключенію мира безъ аннексій и контрибуцій. Экземпляры этого воззванія 26 Іюня, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, распространялъ Оганджаниянцъ при отъѣздѣ студентовъ, призванныхъ въ войска.

Установленнымъ же наружнымъ наблюдениемъ съ 1-го Іюня по 13-е Августа за квартирой Волостнова въ с. М.-Даниловкѣ и имъ самимъ не отмѣчено было никакихъ признаковъ, могущихъ дать основаніе заключить о томъ, что въ квартирѣ его происходило печатаніе воззванія.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ получены были агентурныя свѣдѣнія о томъ, что по инициативѣ членовъ фракціи Оганджаниянца и студента Аврамова начались сборы денегъ на изданіе легальнымъ путемъ въ г. Харьковѣ народнической газеты „Жизнь“ (разрѣшеніе на изданіе этой газеты получена находящаяся въ связи съ членами фракціи учительница Кондратьева), причемъ въ сборѣ денегъ приняли участіе Оганджаниянцъ и Волостновъ. О началѣ выпуска этого изданія пока свѣдѣній не поступило.

10-го Октября того же года въ помѣщеніи медицинскаго корпуса на факультетскомъ собраніи студентовъ-медиковъ, воззванія отъ имени с.-д. и с.-р. студенческихъ фракцій съ призывомъ къ демонстраціи и забастовкѣ 10—11 Октября, въ связи съ уличными беспорядками, имѣвшимися въ г. Харьковѣ 6 и 7 Октября. Агентура дала разъясненіе, что въ выпускѣ этого воззванія с.-р. фракція участія не принимала, и выпускъ его произведенъ былъ членами с.-д. фракціи.

На собраніи этомъ выдѣлился своей революціонной дѣятельностью студентъ-медикъ, староста 3 курса Осепянцъ, с.-р. по происхожденію (членомъ въ с.-р. фракцію не входитъ), руководившій уличными беспорядками 7-го Октября.

13-го Октября того же года, въ томъ же помѣщеніи, состоялась факультетская сходка студ.-мед. для выясненія нѣкотораго поведенія студенчества въ связи съ беспорядками 11-го Октября. На этомъ собраніи, въ числѣ другихъ, выступали ораторами и члены с.-р. фракціи университета: Оганджаниянцъ, Будянскій и Аврамовъ, доказывая необходи-

мость ликвидировать войну безъ аннексій и контрибуцій и взять полицію въ ряды дѣйствующей арміи. На собраніи распространялись указанныя ранѣе воззванія отъ имени с.-д. и с.-р. фракцій. Никакого значенія это собраніе не имѣло, такъ какъ академическая жизнь университета вошла въ свою нормальную колею и занятія возобновились на другой день.

29-го Декабря того же года состоялось частное совѣщаніе членовъ с.-р. фракціи въ зданіи медицинскаго корпуса по вопросу выпуска воззванія на 9 Января 1917 года. Присутствовали члены фракціи: Будянскій, Оганджаниянцъ, Черневскій, Мищенко и Слуцкій. Такъ какъ „техники“ фракція не имѣла, то она рѣшила дать свое согласіе с.-д. фракціи на то, чтобы воззваніе исходило отъ обѣихъ фракцій. Воззваніе это было выпущено до 500 экземпляровъ, причемъ въ редактированіи его принимали участіе члены с.-р. фракціи Волостновъ и Черневскій.

По поступившимъ въ Январѣ мѣсяцѣ 1917 года агентурнымъ свѣдѣніямъ, члены фракціи Черневскій и Слуцкій (оба вошли во фракцію въ послѣднее время) взяли на себя организованіе вновь рабочей (городской) с.-р. группы и въ группу эту вошли упомянутые ранѣе Морозовъ и Остапенко. Черневскій, кромѣ того, занялся организованіемъ изъ студентовъ кружка, сочувствующихъ программѣ с.-р., для ввода ихъ затѣмъ во фракцію. Изъ этого кружка извѣстенъ студентъ-медикъ 1-го курса Тетрадзе.

8-го Февраля по инициативѣ членовъ фракціи Слуцкаго и Оганджаниянца выпущены были размноженныя на гектографѣ воззванія: 1) отъ имени фракціи съ призывомъ къ забастовкѣ 13 и 14 Февраля студентовъ, какъ протесту противъ войны и послѣдняго призыва по мобилизаціи въ войска, и 2) отъ имени Харьковской городской организаціи с.-р. съ призывомъ противъ войны и къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя. По поводу выпуска этого воззванія фракція никакого предварительнаго совѣщанія не имѣла, но члены ея 7-го Февраля вечеромъ выразили лишь свое согласіе названнымъ лицамъ.

9-го Февраля 1917 года, въ зданіи медицинскаго корпуса состоялось факультетское собраніе студентовъ-медиковъ, созванное старостами курсовъ, для проведенія на курсахъ забастовки 13 и 14 Февраля и ознакомленія студентовъ съ положеніями, изложенными въ воззваніи студенческой с.-р. фракціи, распространенномъ 8-го Февраля.

На этомъ собраніи выступали ораторами главнымъ образомъ члены с.-р. фракціи: Черневскій, Будянскій, Аврамовъ, Оганджаниянцъ и какой-то студентъ-ветеринаръ по кличкѣ „Саша“. Рѣчи всѣхъ ораторовъ сводились къ тому, что правительство совершаетъ преступленія, производя разстрѣлы рабочихъ и военныя мобилизаціи, въ то время, когда внутри страны царитъ неурядица, выливающаяся въ непомѣрную дороговизну жизни, и заканчивались призывомъ къ образованію временнаго революціоннаго правительства. Собраніе закончилось вынесеніемъ резолюціи съ призывомъ къ 2-хъ дневной забастовкѣ и требованіемъ прекратить войну безъ аннексій и контрибуцій и организовать временное революціонное правительство.

13-го Февраля 1917 года въ томъ же зданіи состоялось собраніе студентовъ V курса медицинскаго факультета для обсужденія вопроса, какъ надлежитъ поступить съ деньгами въ суммѣ 20000 рублей, отпущенныхъ Министерствомъ для нуждъ студентовъ-медиковъ, призываемыхъ по окончаніи университета въ дѣйствующую армію. На этомъ собраніи по предложенію члена с.-р. фракціи студента Будянскаго было постановлено 3% изъ указанной суммы денегъ передать въ нелегальный Красный Крестъ въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ, столько же, по 3%, въ пользу студенческихъ революціонныхъ фракцій с.-д. и с.-р. университета.

Въ тотъ же день, въ томъ же помѣщеніи, состоялось факультетское собраніе студентовъ-медиковъ по вопросу о проведеніи забастовки на курсахъ факультета 13 и 14 Февраля. На этомъ собраніи членъ с.-р. фракціи Будянский, выступивъ ораторомъ, высказалъ, что забастовка въ университетѣ въ настоящее время имѣетъ огромное значеніе, какъ протестъ противъ правительства, безцеремонно обращающагося съ народомъ, посылая на войну все новыя и новыя массы людей, арестовывая лучшихъ сыновъ Россіи и т. п. Говорили въ томъ же духѣ и др. студенты, члены с.-д. фракціи, и какой то неизвѣстный-ученикъ зубоврачебной школы, причемъ послѣдній выкрикивалъ: „долой правительство, да здравствуетъ революція, социализмъ и социалисты-революціонеры“. Вынесенная собраніемъ резолюція гласила о необходимости забастовки.

Изъ изложеннаго ясно, что изъ всѣхъ группъ с.-р. въ гор. Харьковѣ въ періодъ времени съ 1-го Января 1916 года наиболѣе жизненной и дѣятельной оказалась студенческая фракція с.-р., что эта фракція особенно ярко развернула свою дѣятельность въ самое послѣднее время, что дѣятельность ея не ограничивалась стѣнами университета, а направлялась къ созданію другихъ группъ, какъ-то: рабочей (городской) и др., что выпущенныя въ послѣднее время звѣзды отъ имени городской группы даютъ основаніе думать,

что рабочая группа уже организована, члены ея въ своей дѣятельности слились въ одну организацію подъ главенствомъ фракціи...

Заканчивая обзоръ дѣятельности с.-р. фракціи, надлежитъ сказать, что, не взирая на интенсивность дѣятельности нѣкоторыхъ ея членовъ, все же программныя идеи социалистовъ-революціонеровъ не встрѣтили широкаго сочувствія въ населеніи, на что указываетъ малочисленность членовъ самой с.-р. фракціи (10 человекъ). Сферой ея дѣятельности являлись и являются учащаяся молодежь и рабочая среда, а не крестьянство, въ которомъ, казалось, эти идеи должны бы встрѣтить наибольшее сочувствіе.

За отчетный періодъ группы с.-р. въ гор. Харьковѣ вовсе, если не считать ареста Борчана въ связи съ забастовкою на заводахъ рабочихъ, не ликвидировались потому, что онѣ не проявляли ярко своей дѣятельности вплоть до текущаго года и, кромѣ того, по агентурнымъ соображеніямъ, признавалось желательнымъ ликвидацию эту произвести въ моментъ наиболѣе всесторонняго освѣщенія дѣятельности членовъ этихъ группъ и по выясненіи членовъ группъ.

Въ настоящее время, когда составъ группъ болѣе или менѣе опредѣлился, ликвидация должна быть признана возможной безъ ущерба для розыска.

БАГАЛЪЙ.

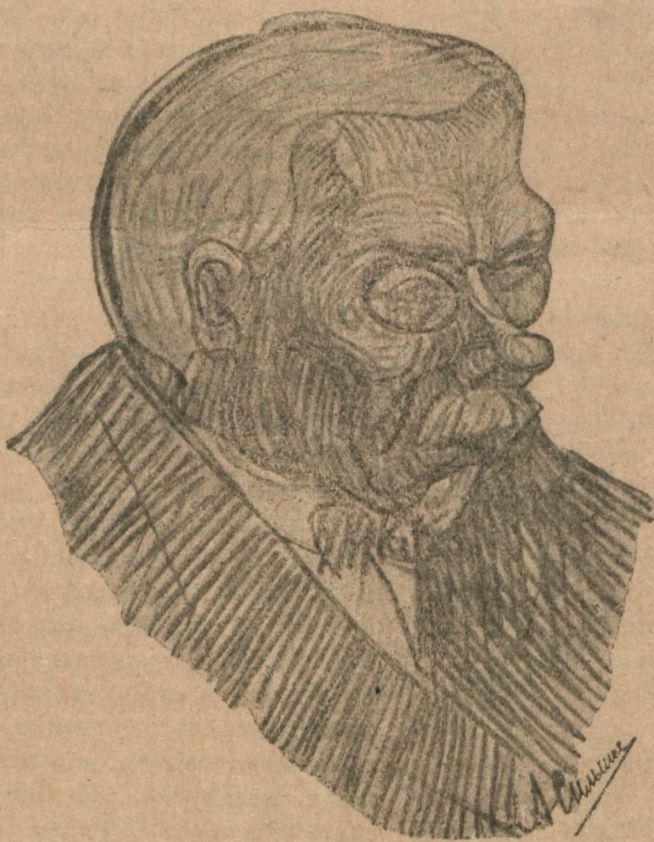
Живя согласно съ строгою
моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ
жизни зла.

Сія краткая эпитафія несомнѣнно будетъ нѣкогда красоваться на памятникѣ Багалѣ, и обязательно на трехъ языкахъ — по-русски, по-нѣмецки и по-украински, одинаково дорогихъ и родныхъ, каждый въ подходящее для него время, для нашего глубокоуважаемаго бывшаго и будущаго городского головы.

Его обстоятельныя сладостно-умильныя рѣчи, тихо журчація, какъ вода въ весеннемъ ручейкѣ, вселяютъ такое пріятное чувство, какъ будто съѣлъ банку варенья.

Будучи круглымъ сиротой, Багалѣ воспылалъ сыновними чувствами къ начальству, осыпавшему его еще въ до-историческія времена своими высокими милостями. Но онъ не ссорился и съ революціей, и Временное Правительство жаждало наградить его высшими почестями, отъ которыхъ онъ благоразумно уклонился, ибо всегда стремился душой къ вѣчному и прочному, а не къ временному и преходящему.

Совѣтскую власть Багалѣ перенесъ со свойственной ему кротостью и незлобивостью, не разъ украшая свои рѣчи образнымъ выраженіемъ: „Товарищи большевики. . .“

Когда настали украинскія времена, Багалѣ на основаніи ученѣйшихъ и обстоятельнѣйшихъ изысканій выяснилъ, что онъ всегда съ самаго своего рожденія былъ, по существу говоря, украинцемъ. Однако, онъ окончательно успѣлъ сдѣлать этотъ выводъ только къ тому времени, когда Центральная Рада смѣнилась гетманомъ.

Что не исключаетъ возможности, что новыя историческія данныя поколеблютъ Багалѣ въ его убѣжденіи, но до ближайшей революціи этого навѣрное не случится.

Исторія движется и движется, не только впередъ, но и назадъ, а вмѣстѣ съ нею движется взадъ и впередъ ученѣйшій историкъ Багалѣ. Подобно тому, какъ Украина передвинулась на 200 лѣтъ назадъ, отъ республики къ гетману,

такъ же совершается благодѣтельный поворотъ отъ демократической Думы къ цензовой, а потому и Багалѣ суждено вновь стать городскимъ головой. Когда исторія продвинется еще немного назадъ, онъ станетъ ректоромъ и такъ далѣе, и, чего добраго, приведенную вначалѣ эпитафію намъ придется начертать не надъ памятникомъ, а надъ колыбелью глубокоуважаемаго профессора Багалѣ.

Московскія впечатлѣнія.

„Хлѣба и стиховъ“!—вотъ крики, какіе можно слышать въ голодающей Москвѣ. Положительно, на стихи теперь большой спросъ въ Москвѣ. Всѣ крупныя газеты различныхъ направленій охотно печатаютъ стихи, и публика, видно, охотно ихъ читаетъ. Съ переездомъ въ Москву Правительства Комиссаровъ—въ Первопрестольной очутилась и вся пишущая публика. Попрежнему, литературная братія группируется по кружкамъ и клубамъ. Таковыхъ довольно много теперь въ Москвѣ. Изъ неизвѣстныхъ Харьковѣ назову: „Трилистникъ“, „Музыкальная табакерка“, „Вѣнокъ поэтовъ“. Каждый изъ этихъ „клубъ-кафе“ возглавляется крупнымъ поэтическимъ именемъ, Брюсовъ или Бунинъ, а иногда и менѣе крупнымъ, какъ Эренбургъ, или Любовь Столица. Въ подобныхъ кафе можно съ интересомъ провести нѣсколько часовъ, слушая молодыхъ поэтовъ и комментаторовъ („старики“ рѣдко выступаютъ).

Съ успѣхомъ функционируетъ уже два мѣсяца „Студія стихотворнаго искусства“, преподавателями въ которой состоятъ Валерій Брюсовъ, Вячеславъ Ивановъ и Гершензонъ. Въ Студіи постоянно занимается до 70 человѣкъ.

Къ сожалѣнію, поэты, появляющіеся уже въ печати, почему-то стыдятся быть „учениками“ и не посѣщаютъ Студіи, между тѣмъ какъ многимъ изъ нихъ очень не мѣшало бы прослушать курсъ лекцій по стихосложенію.

Мнѣ пришлось бесѣдовать съ учениками школы, и они, полуполусерьезно, жалуются на „строгости“ Валерія Брюсова. Онъ задаетъ ученикамъ трудныя техническія задачи и почти всегда недоволенъ исполненіемъ.

Несмотря на дороговизну бумаги и типографской работы, стихи довольно часто появляются въ продажѣ. Отчасти это объясняется усиленнымъ спросомъ, а отчасти появленіемъ на книжномъ рынкѣ новой группы издателей.

Это люди, имѣющіе свободныя деньги и боящіеся держать ихъ въ банкахъ или въ карманахъ,—они и „сберегаютъ“ свой капиталъ въ книгахъ.

Изъ новинокъ, которыхъ ждутъ съ интересомъ, назову „Книгу новеллъ“ молодого беллетриста Каржанскаго (автора талантливыхъ очерковъ „Парижъ“). Эти новеллы еще нигдѣ не появлялись въ печати.

Изъ новыхъ журналовъ могу упомянуть „Творчество“ и „Пламя“. „Творчество“ (изданіе Московскаго Совдепа) внѣшне имѣетъ очень приличный видъ. Къ сожалѣнію, нельзя этого сказать про содержаніе журнала. Оно очень блѣдно. Стихи совсѣмъ плохіе, а проза не выше Серафимовича. „Пламя“ (изданіе Петроградскаго Совдепа) подбираетъ лучший матеріалъ, но все же впечатлѣніе оставляетъ неудовлетворительное.

Изъ лекцій объ искусствѣ слѣдуетъ отмѣтить послѣднюю лекцію Луначарскаго. Лекторъ говорилъ о новѣйшихъ теченіяхъ въ поэзіи и остановился подробно на Маяковскомъ. Маяковский, по мнѣнію Луначарскаго, таитъ въ себѣ огромныя возможности. Поэмы „Человѣкъ“ и „Война и Миръ“ дѣлаютъ его очень близкимъ для пролетаріата, и революціонные социалисты вправѣ возлагать на него большія надежды. Луначарскій тутъ же съ большимъ подъемомъ прочиталъ сильныя мѣста изъ поэмы „Война и Миръ“.

Маяковский съ эстрады презрительно поглядывалъ на публику и демонстративно позѣвывалъ.

Признаться, у меня лично больше вѣры въ Василія Хлѣбникова, чѣмъ въ Маяковскаго. Въ короткихъ, сжатыхъ сатирахъ Хлѣбникова больше ядовитой злобы и презрѣнія къ мѣщанству и обывательщинѣ, чѣмъ въ длинныхъ и торжественно-приподнятыхъ поэмахъ Маяковскаго. Къ сожалѣнію, такія вещи, какъ „Памятникъ“, совершенно неизвѣстны широкой публикѣ.

Въ общемъ, на литературномъ Олимпѣ теперь, за исключеніемъ шума вокругъ имени Маяковскаго, довольно тихо и буднично.

„На вышинѣ сверкаетъ Вега“—Валерій Брюсовъ со страницъ „Новой Жизни“ воспѣваетъ Новую Жизнь (безъ ковычекъ).

Левъ Повицкій.

О книгахъ.

ИЗМАИЛЬ УРАЗОВЪ. ГОЛУБЕЛЬ. Стихи. 1918 г.

Название сборничка стиховъ Уразова, очевидно, по замыслу автора, роднитъ его съ крыломъ современныхъ поэтовъ, возглавляемыхъ Хлѣбниковымъ, Каменскимъ, Асѣвымъ и др. Одному изъ выдающихся представителей этой группы Григорію Петникову посвящено стихотвореніе, открывающее книжку. Изъ Петникова же и начинается эпитафия къ сборнику. Но съ перваго же стихотворенія возникаетъ вопросъ, что общаго между Уразовымъ и этимъ движениемъ, однимъ изъ значительнѣйшихъ движеній поэзіи нашихъ дней: что такое изъ виду, что цѣннымъ въ исканіяхъ Хлѣбниковской школы является постановка во главу поэтического угла не образа, не звука, не слова-символа, а слова, какъ такового, трактуемаго молодой школой въ духѣ Потемкина,—авторъ заимствовалъ у „потемкиныхъ“ лишь манерную рифмовку, немилосердно ее вульгаризуя. Жертву рифмъ онъ пишетъ такіе неудобочитаемые строки:

Ласку узнавши въ бреду мою
вѣтеръ задышитъ порывистѣй,

но—новую нѣжность придумаю
чтобъ сани не въ силу вынести.

Пересыпавъ свои двѣнадцать страничекъ книжки такими же странными синтаксическими образцами:

А тѣло ненужный комъ лишь...

или

Это ли тѣло ты такъ...

Уразовъ ни въ выборѣ темъ, слишкомъ банальныхъ, ни въ инструментовкѣ стиха, совершенно неразработанной, не далъ ничего, что бы говорило о пониманіи имъ достижений той группы поэтовъ, съ какой онъ имѣетъ смѣлость считать себя идеологически связаннымъ. И когда онъ скромно говоритъ о себѣ:

Солнца на небѣ всѣ воспѣты,
И вотъ стаялъ я лунный рогъ
и въ небѣ новые зажегъ
еще невѣдомые свѣты,

нельзя не улыбнуться...

Е. Л.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на иллюстрированн. литературно-художественн. еженед.

„КОЛОСЬЯ“

издаваемый при участіи Союза Интернационалистовъ Дѣят. Искусства.

Въ журналѣ „КОЛОСЬЯ“ печатаются „ВОСПОМИНАНІЯ“ Феликса КОНА, которая выйдутъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ издат. „Соціалистической Мысли“. Въ отдѣлѣ „РОССІЯ ВЪ ОХРАННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ“ помѣщаются документальныя данныя архивовъ охранныхъ отдѣленій, характеризующія въ біографіяхъ и портретахъ дѣятелей современной Россіи, а также наиболѣе интересные циркуляры, донесенія и агентурныя сообщенія.

Подписная цѣна—3 руб. въ мѣсяцъ, съ пересылкой—4 руб. Цѣна отдѣльнаго номера—75 коп.

Редакція и Контора: Харьковъ, Николаевская пл., № 23, домъ Городской Управы.

Приемъ объявленій въ конторѣ: цѣна 3 р. за строку петита до текста и 2 р. послѣ текста.

Секретарь принимаетъ въ понедѣльникъ и среду отъ 11 до 12 час. дня.

Редакторы: Ф. Конъ и В. Рожицынъ.

Издательство „Соціалистическая Мысль“.

Редакторы: Ф. Конъ и В. Рожицынъ.

Издательство „Соціалистическая Мысль“.

Цѣна 75 коп.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ